

Свернув сторублевую купюру самолетиком, он запустил её в окно, и та приземлилась прямо на экзаменационный лист.

Цзи Шэньюй подбежал, ухватившись за оконную раму:

— Старший брат, ты продал ту вазу?

— Да, — отозвался Дин Ханьбай. — Продал за сто тысяч.

Раздался хруст — Цзи Шэньюй выломал щепку из оконной рамы. Его глаза расширились от ужаса, губы беззвучно шевелились. Сто тысяч... эта ваза стоила сто тысяч?! Лян Хэчэн подарил ему такую дорогую вещь, как он мог её принять?!

Неожиданно Дин Ханьбай протянул руку и дернул его за ухо. Совсем не больно, но кончик уха тут же вспыхнул.

— Не паникуй, — сказал Дин Ханьбай. — Это была подделка.

## Глава 16

Беда не приходит одна, и Цзи Шэньюй еще долго не мог прийти в себя. Он-то думал, что ваза с узором «Сто долголетий» стоит столько же, сколько и селадоновая, но никак не ожидал, что она уйдет за сотню тысяч.

Больше всего его потрясло то, что вещь такой невероятной стоимости оказалась имитацией.

Искусство подделок сложное: низший уровень — это ширпотреб с рынка, массовое производство, которое видит даже дилетант. Уровень повыше требует тактильного контакта. А дальше — тонкая градация, зависящая лишь от мастерства фальсификатора.

Цзи Шэньюй невольно задумался: знал ли Лян Хэчэн, что ваза — подделка? Может, он хранил её долгие годы, искренне считая подлинником? Он разжал пальцы на раме и в смятении обернулся, совсем забыв, что Дин Ханьбай все еще стоит снаружи.

Взгляд упал на селадоновую вазу на столе, и возникло новое сомнение: если Дин Ханьбай не смог с уверенностью распознать даже его собственную работу, то как он мог так категорично заявить, что ваза «Сто долголетий» — подделка?

Цзи Шэньюй озвучил свои мысли. Дин Ханьбай не ответил, лишь поманил его за собой.

Перемахнув через порог коридора, Дин Ханьбай бросил рюкзак на каменный стол и, не взяв ничего с собой, повел Цзи Шэньюя во внутренний двор. В переднем дворе было просторнее всего. Спальня Дин Яньшоу и Цзян Шулю была заперта, а у порога дремала дворовая кошка.

Дин Ханьбай, действуя как разбойник, с грохотом распахнул дверь, напугав кошку до такой степени, что та пулей взлетела на дерево. Он завел Цзи Шэньюя в комнату и присел перед низким шкафчиком, но тут же обнаружил, что ключа от маленького замка нет.

Цзи Шэньюй присел рядом:

— Резьба по палисандру?

Только что он пребывал в полнейшем смятении, а теперь, увидев шкаф, снова оживился. Дин Ханьбай не обратил на него внимания, порылся в тумбочке, достал связку ключей с бирками и, наконец, подобрал нужный.

Он достал из шкафа вазу:

— Взгляни-ка на это.

Цзи Шэньюй развернул хлопковую обертку и ахнул:

— Ваза с узором Сто долголетий!

Знакомое клеймо, холодная и гладкая на ощупь поверхность — в голове у Цзи Шэньюя снова всё смешалось, и добавилась новая загадка. Дин Ханьбай присел на край кровати:

— Может, я и не могу отличить твою вазу от настоящей, но я точно знаю, что эта — подлинник. А значит, та — подделка.

— Откуда она у тебя? — спросил Цзи Шэньюй.

Дин Ханьбай рассмеялся:

— Твой отец подарил её моему вместе с тем альбомом. Поэтому она и заперта в шкафу — жалко выставлять, чтобы пылилась.

Все пути ведут к удивительному стечению обстоятельств. Цзи Шэньюй, обнимая вазу, пребывал в прострации, а спустя мгновение расплылся в улыбке, глядя на Дин Ханьбая. В этот момент во дворе неистово залаяла кошка — похоже, кто-то пришел.

Замести следы преступления не успели. Появился Дин Яньшоу, несколько секунд ошарашенно смотрел на них, а потом, с огромной задержкой, рявкнул:

— Что вы тут делаете средь бела дня?!

Дин Ханьбай дернул Цзи Шэньюя за собой:

— Я рассказывал ему, что мастер Цзи дарил вам вазу с узором Сто долголетий, ему стало любопытно, вот я и показал.

Дин Яньшоу не поверил:

— А табакерку ты уже вырезал?

Дин Ханьбай, который несколько дней пропадал на рынке антиквариата и совсем забросил учебу, принялся оправдываться:

— Я помогал бригадиру переносить вещи, повредил руку, теперь сил совсем нет...

— Врешь! — Дин Яньшоу в ярости пнул дверь. — Опять прогуливаешь работу, думаешь, я не знаю?!

Дин Ханьбай, поняв, что отговорки не помогут, рванул мимо круглого стола и, к несчастью, получил пинок под зад. Цзи Шэньюй, увидев это, поспешно поставил вазу, крикнул Мастер, не гневайтесь и тоже бросился наутек. Оба они выглядели жалко и комично. Вернувшись в свой

дворик и отдышавшись, Цзи Шэньюй сел за уроки, а Дин Ханьбай, прихватив кусок белого нефрита, тоже вошел в кабинет — вырезать табакерку.

Сидя плечом к плечу, Цзи Шэньюй завис над недорешенной математической задачей — мысли путались.

Дин Ханьбай придвинулся ближе:

— У меня по математике всегда было отлично, давай объясню.

Тон был настолько уверенным, что Цзи Шэньюй покорно протянул ему тетрадь. Раньше он считал Дин Ханьбая человеком, далеким от учебы, но, когда тот закончил объяснение, его мнение немного изменилось.

— Я с детства силен в математике, это помогает в бизнесе, — сказал Дин Ханьбай. — Еще я знаю английский, а это значит, что я готов к большому бизнесу и выходу на международный уровень.

Цзи Шэньюй был покорен такой логикой:

— А что дает хорошее знание литературы?

— Литературы? — Дин Ханьбай запнулся. — Литература дает красноречие. Но одного красноречия мало, нужно еще и спортом заниматься. Потому что острый язык легко приводит к спорам, а если переборщить — можно и по шее получить. А если ты атлетичен, то быстро бегаешь — и ноги в руки.

Цзи Шэньюй расхохотался, уткнувшись лицом в тетрадь, не понимая, шутит Дин Ханьбай или говорит всерьез. Постепенно в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая только его смехом, но, осознав, как это звучит, он замолчал.

Дин Ханьбай согрел нефрит теплом ладоней и наконец сосредоточенно взялся за резец.

Страницы шуршали, Цзи Шэньюй больше не встречал нерешаемых задач, но от слишком легкой работы его начало клонить в сон. Он плохо спал последние две ночи, и усталость навалилась, как цунами — стоило ему расслабиться, как он тут же провалился в сон.

Движения рядом затихли. Дин Ханьбай, закончив работу, с любопытством обернулся:

— Ну и ну... — он увидел, что Цзи Шэньюй спит прямо на тетради, прижавшись щекой к бумаге, с ручкой в пальцах.

Лишь когда Дин Ханьбай закончил и встал, задев стулом, Цзи Шэньюй лениво открыл глаза.

— Еще будешь писать? — спросил Дин Ханьбай. — Если нет, иди спать в комнату, а то слюнями весь лист залъешь.

Цзи Шэньюй все еще лежал, не двигаясь:

— Ты уже закончил?

Дин Ханьбай кивнул и протянул ему нефритовую табакерку. У неё было короткое горлышко, полные плечи, форма — нечто среднее между квадратом и кругом, но главное — никаких следов резьбы, словно кусок нефритового тофу. Цзи Шэньюй выпрямился:

— Только форма, никакой гравировки? Ты схалтурил?

Увидев, что Дин Ханьбай молчит, он вдруг догадался:

— Этот материал...

— Первокласный хотанский нефрит, спасибо, что так удачно выбрал, — Дин Ханьбай был доволен настолько, что боялся испортить работу лишним движением. После того как он вычистил внутренности и отполировал поверхность, табакерка без единой трещинки стала выглядеть безупречно.

Цзи Шэньюй вертел её в руках:

— Старший брат, в Юй Сяоцзи за обработку берут дорого. Как оценить такую простую вещь?

— Такие табакерки вошли в моду при императоре Цяньлуне, это называют Талант, не требующий огранки, — ответил Дин Ханьбай. — В книгах упоминается пара таких, они стоят больше ста тысяч, так что одна такая — тысяч тридцать-сорок.

Цзи Шэньюй не мог выпустить её из рук:

— Может, я могу претендовать на половину заслуг? Когда продашь, я потребую у мастера свою долю.

Ладонь опустела — табакерку отобрал Дин Ханьбай.

— Мечтай, — Дин Ханьбай сжал её в кулаке, пряча от чужих глаз. — Я не буду её продавать, оставлю себе на старость.

— Тебе до пятидесяти еще тридцать лет, а ты уже всё распланировал? — удивился Цзи Шэньюй.

— Конечно. В пятьдесят лет судьба предрешена, денег заработано достаточно, передам мастерство сыну, а сам буду только развлекаться.

Он рассуждал так складно, что Цзи Шэньюй спросил: а если родится дочь? Дин Ханьбай ответил:

— У меня свои принципы: передаю мастерство сыну, а не дочери.

Шутки шутками, а резьба — дело тяжелое, руки стираются в кровь, разве мог он позволить дочери этим заниматься? Девушке лучше читать книги, заниматься тем, что ей интересно, как Цзян Цайвэй.

Цзи Шэньюй решил поддеть его:

— А если у тебя не будет сына, мастерство исчезнет?

Дин Ханьбай искоса взглянул на него:

— Разве я не могу взять ученика? Но у моего ученика должен быть исключительный талант, иначе лучше вовсе никого не брать. К тому же, если оно исчезнет — не велика беда, это же не одно из четырех великих изобретений.

Цзи Шэньюй не нашелся что ответить, решив, что Дин Ханьбай, должно быть, был первым учеником по литературе — всегда готов ответить. В молчании он вспомнил Цзи Фансюя. В самом деле, что толку от сына? Даже когда приносишь жертвенные дары, между вами лежат тысячи гор и морей, остается только во сне упрекнуть: Не похоже, что ты по мне скучал.

Его взгляд упал на селадоновую вазу, и сожаление стало еще острее: мастерство, которому его учил Цзи Фансюй, скорее всего, скоро будет забыто.

Дин Ханьбай, не понимая, в чем дело, проследил за его взглядом и великодушно сказал:

— Ты же хотел обменяться? Забирай.

Спустя столько времени селадоновая ваза снова оказалась у Цзи Шэньюя. Он не знал, плакать или смеяться, принес её в комнату и застыл у двери. Лян Хэчэн говорил, что всё в мире предопределено, нужно лишь дожидаться судьбы, но цена в сто тысяч — слишком большая роскошь. Получить её от старика, умирающего от неизлечимой болезни, — это могло обернуться бедой.

Три дня спустя, под проливным дождем, Дин Ханьбай приехал на работу. У ворот Управления по охране культурного наследия путь ему преградила разбитая тележка. Он опустил стекло и крикнул охраннику, но тот вытолкал наружу какого-то старика.

— В чем дело? — спросил Дин Ханьбай.

— Это старьевщик из музея, хочет забрать наши отходы, никак не уходит, — ответил охранник.

Старик был в старой соломенной шляпе, брюки и матерчатые туфли промокли насквозь. Дин Ханьбай не выдержал:

— Пустите его переждать дождь. Я подам заявку, посмотрим, можно ли отдать ему этот заказ.

Он припарковал машину и вошел в здание. У входа он снова наткнулся на старика. Тот снял шляпу, и когда показалось лицо, Дин Ханьбай замер — это был Чжан Сынянь!

Чжан Сынянь стряхнул капли воды:

— Ты все еще собираешься подавать заявку?

Дин Ханьбай подумал, что этот старик — сущий черт, и с расстояния в полтора метра рассмеялся:

— Подаю. Теперь будешь часто заходить, я буду показывать тебе всё самое лучшее, распродажа — по сто тысяч за штуку.

Он вошел в здание. В офисе он написал заявление на имя Чжан Иня. Один кабинет уже одобрил, остальные отделы вряд ли будут придираться — дело-то плевое. Чжан Инь долго возился: протирал чернильницу, закручивал колпачок ручки, вытирал её — наконец-то поставил свою не очень известную подпись.

Дин Ханьбай принялся, уловив запах сандала, и опустил взгляд на стол. Маленькая курильница. Вот почему он так медлил — ждал, пока заметят его сокровище. Внутри лежал ароматический мешочек, видно, берег курильницу, не хотел коптить стенки настоящим благовонием.

Он наклонился, чтобы полюбоваться, и принялся льстить:

— Курильница эпохи Сун, из печи Гэ, просто прелесть.

Чжан Инь наконец закончил:

— Имитация эпохи Цяньлун, обычная глазурь Гэ, не более.

— Значит, у меня глаз замылился.

Дин Ханьбай вознес собеседника на пьедестал, решив, что на этой неделе ему будет сопутствовать удача. После работы он собрал два ящика мусора. Чжан Сынянь всё еще ждал у входа, увидев его, молча принял ящики.

— Пиши в накладной побольше, ты ведь на этом наживаешься, да?

Дин Ханьбай почувствовал себя оскорбленным:

— Десять тысяч для меня — ерунда, неужели я буду мелочиться на перепродаже мусора?

Чжан Сынянь лишь пошутил:

— Кстати, ты ведь говорил, что работаешь в музее?

Дин Ханьбай рассмеялся:

— Тебе можно продавать подделки, а мне нельзя приврать о себе? — он решил говорить прямо.

— Тогда ты сказал, что та ваза из Фуцзяни, это было убедительно.

Раз Чжан Сынянь взялся за вывоз мусора из музея, значит, он там частый гость и видел те осколки, поднятые со дна моря. Чжан Сынянь с интересом кивнул:

— Значит, убедительно? Не удалось тебя обмануть?

Дин Ханьбай снова почувствовал себя уязвленным. Кто в этом деле верит словам? Самое ненадежное — это язык.

— Та селадоновая ваза была склеена, — отвлекся он. — Она выглядела настоящей только потому, что материал был подлинным. И техника, конечно, неплохая.

У Чжан Сыняня от дождя покраснели глаза:

— Есть еще какие-то способы?

— Склеивание, захоронение, создание поддельных участков или полная имитация предмета, — перечислял Дин Ханьбай. Он давно выучил наизусть всё, что было в Как горы и моря, помнил все способы подделки и методы экспертизы.

— Раз ты понял, что она поддельная, зачем купил? — спросил Чжан Сынянь.

Дин Ханьбай тогда просто хотел изучить её, да и тридцать тысяч для него не деньги. Раз уж разговор зашел так далеко, он решил подшутить и с улыбкой посмотрел на старика. Чжан Сынянь заерзал, а потом вдруг всё понял.

— Ах ты паршивец! — выругался старик. — Ваза Сто долголеть — тоже подделка!

— Подделка, но высокого класса, — успокоил его Дин Ханьбай. — Могу поспорить, покажи ты её кому угодно — никто не отличит, перепродашь за еще большую цену.

Чжан Сынянь был в ярости — его злило, что он сам не распознал подделку. Спустя время, так и не успокоившись, он язвительно заметил:

— В Управлении по культурному наследию все такие хитрые? Не то что антиквары — всегда бьют точно в цель.

— Хвали только меня, не впутывай организацию, — ответил Дин Ханьбай, указывая на здание. — Наш начальник возится с поддельной курильницей Гэ, такая глупость, мне даже стыдно за него.

— Откуда ты знаешь, что она поддельная?

— На ней слишком много «золотых нитей и железных линий», подделать такое крайне сложно. К счастью, у меня хорошая память: я запоминаю расстояние между линиями, и даже малейшее отклонение сразу бросается в глаза.

Проболтав с полчаса, они закончили с мусором. Дождь стих. Чжан Сынянь собрался уходить, напевая оперу, и выглядел так, будто получил какую-то радостную весть. Сходя с крыльца, он обернулся и крикнул:

— Хочешь увидеть настоящую курильницу Гэ?

Дин Ханьбай опешил, пораженный взглядом этого старика.

— Чуншуй, 57. Не приходи с пустыми руками, захвати две ляни белой водки, — Чжан Сынянь спрятал блеск в глазах, натянул шляпу и, уходя, пробормотал: — Из этого мальчишки выйдет толк.

В это время Цзи Шэньюй уже добрался до улицы Мяоань, 25. Раскат грома пронесся над городом, предвещая что-то важное.

## Глава 17

Старая дверь была приоткрыта, в щели виднелся узкий грязный дворик. Цзи Шэньюй осторожно толкнул её и, войдя, почувствовал кислый запах лекарств.

Он заглянул в комнату, но окна были покрыты таким толстым слоем грязи, что, казалось, их не мыли годами. Дверь в дом была закрыта, по бокам висели обрывки праздничных куплетов, наклеенных много лет назад.

— Дедушка? — позвал он.

— Иду! — отозвался изнутри Лян Хэчэн. Голос был негромким, но сиплым, словно старик из последних сил пытался звучать бодро. Дверь открылась, Лян Хэчэн стоял посреди комнаты, закутавшись в тонкую ватную куртку.

Цзи Шэньюй замялся:

— Я... я пришел навестить вас.

— Я ждал тебя, — сказал Лян Хэчэн. Точно так же, как в тот день, когда он выписался из больницы.

— А если бы я не пришел? Вы бы зря ждали?

Лян Хэчэн ответил невпопад:

— Если не пришел — значит, судьба не свела. А раз пришел — значит, нам суждено быть вместе.

Дождь собирался пойти снова. Цзи Шэньюй вошел в дом и не нашел места, куда поставить ногу. Кожаный диван, резной шкаф, повсюду антиквариат. У него закружилась голова, он прислонился к дверному косяку, не зная, куда смотреть — на белый фарфор или на селадон.

Лян Хэчэн улыбался, излучая доброту:

— Вот две комнаты, хочешь осмотреться?

Ноги Цзи Шэньюя словно налились свинцом, он делал шаг и замирал на полминуты, боясь что-нибудь задеть. С трудом добравшись до внутренней комнаты, он приподнял занавеску и ахнул.

На огромном столе стояла пара чашек с красным узором дракона в облаках, изготовленных в эпоху Сяньфэн; половинка лепешки лежала в фарфоровой чаше с синим узором Восьми бессмертных эпохи Гуансюй. Рядом — маленькая шкатулка из печи Юэ, подставка для кистей из белого фарфора в форме листа лотоса... каждая вещь была ценностью.

Он опустил взгляд — пол, подоконники, углы были завалены антиквариатом: яркие цвета, разнообразные формы. Кислый запах исходил от тумбочки. Цзи Шэньюй подошел ближе и учуял знакомый аромат.

Лян Хэчэн сел на край кровати:

— Что с той вазой Сто долголетий?

Цзи Шэньюй резко поднял голову, наконец вспомнив, зачем пришел:

— Дедушка, я именно из-за неё.

Он отступил назад и выпалил:

— Вазу продали... за сто тысяч.

Он думал, что старик испугается или пожалеет, но тот остался невозмутим и даже довольно кивнул.

— На самом деле это была подделка, вы знали? — продолжил Цзи Шэньюй.

Лян Хэчэн замер. Цзи Шэньюй подумал, что старик действительно был не в курсе, но Лян Хэчэн вдруг рассмеялся, прижав руку к груди:

— Не думал, что её смогут распознать. Думаю, даже слепой Чжан не смог бы этого увидеть.

Цзи Шэньюй хотел спросить, кто такой этот слепой Чжан, но Лян Хэчэн внезапно спросил:

— А где та селадоновая ваза, что сделал ты?

Цзи Шэньюй достал её из рюкзака. Он сам не знал, почему взял её с собой. Лян Хэчэн повертел её в руках, но ничего не сказал.

В комнате воцарилась тишина, слышен был только шум дождя.

Вдруг Лян Хэчэн сжал горлышко вазы и с силой ударил её о край стола. Ваза разлетелась на куски, звонкий звук больно ударил по ушам.

Цзи Шэньюй смотрел на осколки, не в силах вымолвить ни слова.

— Квадратная ваза с сапфировой глазурью — подделка, ваза Сто долголетьей — подделка, всё, что находится в этих комнатах — подделка, — сказал Лян Хэчэн.

Это означало, что вещь, украденную тогда в переулке, изначально подменили на фальшивку, что ваза, которую он подарил в ответ, тоже была подделкой, а всё это обилие антиквариата — лишь имитация. Это было за гранью разумного, но Цзи Шэньюй почему-то догадывался об этом. Он посмотрел на банку на тумбочке — кислый раствор внутри использовали для состаривания глазури.

Он выпрямился:

— Селадоновая ваза тоже подделка, я сделал её сам.

Лян Хэчэн улыбнулся:

— Всё это сделал я.

Почему он разбил селадоновую вазу? Потому что она была недостаточно хороша, чтобы находиться в этом доме.

Цзи Шэньюй не почувствовал боли, наоборот, если бы её не разбили, ему было бы стыдно.

— Дедушка, — спросил он, — если вы такой мастер, почему живете здесь, в нищете, и даже не лечитесь?

— У меня неизлечимая болезнь, я одинок, зачем лечиться? Что толку доживать до ста лет? — он все еще прижимал руку к груди, там росла опухоль. — У меня были ученики, но никто из них не мог выучиться до конца, все они были алчными, воровали мои вещи, портили мою репутацию. Но встретив тебя, я увидел, что у тебя доброе сердце и ты понимаешь толк в деле. Я хотел узнать, суждено ли нам стать учителем и учеником.

Цзи Шэньюй всё понял. Старик хотел сделать его своим преемником. Он думал, что после смерти Цзи Фансюя его мастерство будет забыто, но судьба послала ему этого человека.

И не просто наставника — старик был болен, и его слова и жесты напоминали последние два года жизни Цзи Фансюя.

Цзи Шэньюй, охваченный порывом, посмотрел на осколки под ногами. За окном прогремел гром, и он, опустившись на колени прямо в гул дождя, торжественно поклонился.

— Ты должен дать обещание, — сказал Лян Хэчэн.

— Буду усердно учиться, служить вам, убирать в доме... буду рядом до конца, а после — похороню, — произнес Цзи Шэньюй те же слова, что когда-то, будучи ребенком, говорил Цзи Фансюю.

Лян Хэчэн похлопал его по плечу:

— Теперь назови меня как следует.

Цзи Шэньюй коснулся его коленей:

— Учитель.

Дождь лил стеной, превращая всё вокруг в грязные лужи. Став учеником, Цзи Шэньюй не стал медлить: он взял зонт и принялся убирать во дворе, собирая старые вещи, решив в следующий раз принести цветы.

Лян Хэчэн сидел в дверях, закутавшись в рваную куртку и покуривая трубку, наслаждаясь покоем.

<http://bllate.org/book/19144/1880222>